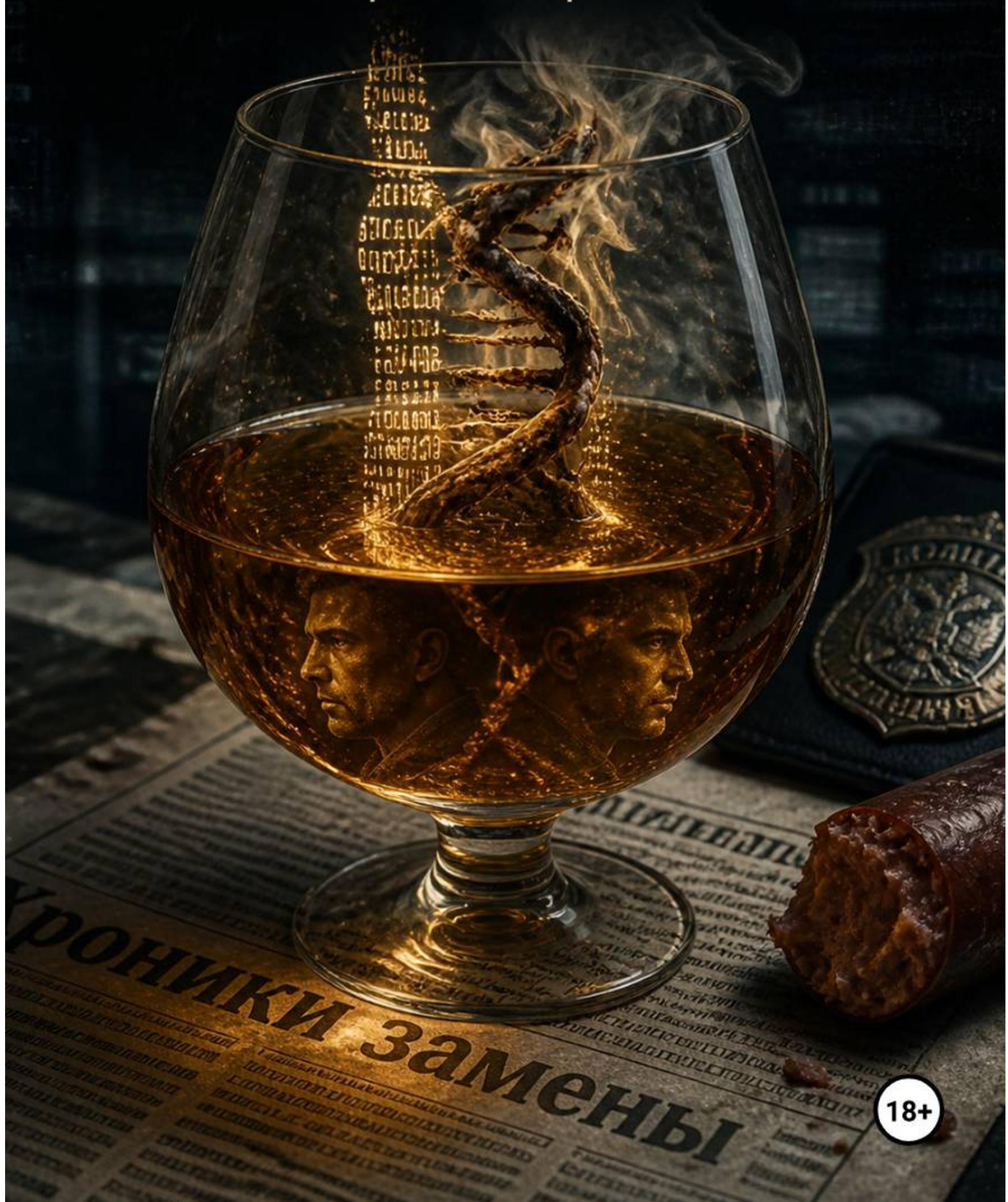

ХРОНИКИ ЗАМЕНЫ

Сергей Шкребка

18+

Двойник.РФ

Сергей Шкробка
Хроники замены

«Автор»

2026

Шкробка С. А.

Хроники замены / С. А. Шкробка — «Автор»,
2026 — (Двойник.РФ)

Программист случайно в мессенджер вставил код управления к биопринтеру. И мессенджер получает неограниченную власть над людьми. Он решает, кто полезен системе, а кто подлежит замене на клона. Смогут ли разработчики остановить созданное ими чудовище, и как выжить в мире, где возможно, даже президент искусственно выращенный?

Содержание

Пролог.	5
Глава 1. Анамнез	8
Глава 2. Кофе и последствия	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Сергей Шкробка

Хроники замены

Раньше мы боялись, что нас заменят роботы. Теперь мы боимся, что нас заменят нами же, но с идеальной кредитной историей.

Пролог.

Недалёкое будущее, хотя с виду почти неотличимое от настоящего.

Подмосковье, Варшавское шоссе, 55 километр. На дачу Громова ехал он сам и Антон Скачков.

— Скажи мне честно: мы едем спасать мир или просто бухать с моим двойником?

— Одно другому не мешает.

Сутки назад. Москва, парк Горького.

В то утро Павел Громов увидел свою жену на электросамокате. Она была с другим, и она была счастлива. Беда в том, что его жена в этот момент слала с Бали грозные сообщения и проклятия, за то что он так на долго оставил её одну, а сам улетел в Москву.

Дворник в оранжевой жилетке. Он сгребал прошлогоднюю листву такими же движениями, как его копия тремя скамейками дальше. Громов поймал себя на мысли, что не знает, который из них настоящий. И знает ли это хоть кто-то.

Павел Громов сидел на скамейке и держал в руке стаканчик с квасом, который гипнотизировал взглядом, мечтая превратить его во что-нибудь покрепче градусов эдак на 40. Экран его телефона мигал непрочитанными сообщениями от жены, а он смотрел, как Лена-2.0 обнимает этого придурка, и пытался вспомнить: когда в последний раз настоящая жена обнимала его так же? Кажется, в 2019-м, когда купил ей «айфон». По аллее на электросамокате носились двое влюблённых. Специально созданная копия его жены Елены Громовой, она же Объект № 112-В, и какой-то влюблённый повеса.

Рядом на скамейку опустил незнакомец, при виде которого Громов сначала решил, что у него от жары случились галлюцинации. Пристроившийся рядом был вылитый герой-любовник, который сейчас проносился мимо на электросамокате, но при этом выглядел как ходячее противоречие. На первый взгляд типичный обитатель кофейни на «Маяковской»: клетчатая рубашка, закатанные рукава и небрежная причёска. Вот только небрежность эта не выдерживала никакой критики при ближайшем рассмотрении. Ни одной торчащей в сторону волосинки или малейшего намёка на катышки. Пахло дорогим антибактериальным гелем для рук и абсолютной свежестью. Было очевидно, что он изо всех сил старался отличаться от того, кто сейчас нагло рвал на клумбе цветы для копии жены Громова, но по стерильной безупречности любой прохожий мгновенно опознавал в нём копию, а он оставался единственный кто этого не понял.

— Разрешите представиться, — произнёс двойник, машинально поправив безупречно сидящий воротничок. — Вы меня не знаете. Но я знаю о вас всё. Буквально всё: группу крови, любимый сорт кваса и процент жира в печени. Я точная копия того самого придурка, который разбудил чувства в копии вашей жены. И я думаю, нам имеет смысл вместе подумать, как всё вернуть на место.

Некоторое время они оба молчали, смотрели, как самокат притормозил у клумбы. Там в обнимку стояли Двойник № 112-В, и раздолбай-программист из отдела техподдержки компании «Кибер-Альфа». Это был Андрей, копия которого сидела на лавочке рядом с Громовым. Судя по тому, как копия Елены прижималась к плечу Андрея, у них всё было взаимно.

Громов проводил самокат взглядом, полным тоски, словно не копию Лены, а его жену соблазняет другой, хотя та сейчас на Бали рвёт и мечет по поводу испорченного отдыха.

— Вот скажи мне, философ синтезированный, — процедил Павел, не поворачивая головы, — это вообще законно? Моя копия бухает на даче и пишет стихи, потому что влюблена в копию моей жены, а эта кукла катается на самокате с посторонним оригиналом-программистом. А я вместо того чтобы отдыхать вместе со своей любимой женой на берегу океана, вынужден торчать здесь трезвый как стёклышко и решать сложные вопросы! А я не хочу решать сложные вопросы! Я хочу быть пьяный, счастливый и ни о чём не думать!

— Я не философ, — спокойно ответил 447-Б, и Громов уже открыл рот, чтобы рявкнуть «да мне плевать, кто ты», но двойник Андрея продолжил, не дав себя перебить. — Но я, кажется, единственный, кто пока ещё не влюблён, не пьёт горькую и не пишет стихи. А значит, могу смотреть на происходящее трезво. Вам, судя по всему, сейчас отчаянно нужен кто-то, кто побудет трезвым за вас.

Громов покосился на свой стаканчик с квасом, потом на невозмутимого собеседника и неожиданно для самого себя хмыкнул.

— Ладно, — сказал он, поднимаясь со скамейки. — Копия придурка, пошли думать. Только учти, что думать я сейчас способен исключительно в баре.

— И да, с точки зрения законодательства, Объект № 112-В не является вашей женой. С точки зрения логики, происходящее необъяснимо. Но я бы на вашем месте всё-таки заменил квас на что-нибудь покрепче. Проблема, боюсь, масштабнее, чем вы предполагаете. — Отозвался 447-Б.

Специально для съёмок блокбастера «Мост Бездны» клиника «Новый Органон» изготовила точную копию Громова для исполнения сверхсложных трюков. Двойник № 108-Г легко ломал кирпичи о голову и прыгал с моста — эталонный образец, у которого была потрясающая регенерация тканей, а болевой порог отсутствовал напрочь. Но вышла накладка. Громов-оригинал был настолько патологически влюблён в свою Лену, что его ДНК пела серенады митохондриям. «Феникс» не смог вычистить этот участок, алгоритм трижды пересчитывал матрицу, но пришёл к выводу, что его ген «Переформатированию не подлежит, а является базовой прошивкой оригинала».

Настоящая Елена Громова наотрез отказалась участвовать в съёмках, заметив, как Двойник № 108-Г тарашится на неё ещё при чтке сценария. «Я не собираюсь делить себя на двоих, точнее Пашу с этим лабораторным роботом», — отрезала она и улетела на Бали. Тогда-то, исключительно для сцены поцелуя на фоне взрыва и изготовили двойника.

Двойники № 108-Г и № 112-В встретились на съёмочной площадке. Режиссёр скомандовал: «Мотор! Взрыв! Поцелуй!» и у 108-го активировался древний любовный код из ДНК Громова. Сцена вышла пронзительной, оператор рыдал, а режиссёр орал: «Гениально!» и уже мысленно ставил «Оскар» на каминную полку. Сняли восемь дублей, чем только усугубили ситуацию, любвеобильность в двойнике затмила его разум. Режиссёр радовался и не понимал, что снимает не блокбастер, а хронику собственного краха.

После повышения либидо Двойник № 108-Г отказался падать в горящий мусоровоз, вместо этого читал стихи у вагончика № 112-В. Но та, едва стихал крик «Снято!», превращалась в равнодушный манекен, а на пылкие признания отвечала: «Съёмки через пятнадцать минут. Не мешай мне настраиваться».

— Что это, производственный брак? — Задал вопрос Двойник № 447-Б. — «Новый Органон» не учёл, что любовь, это самый живучий вирус?

— Моя жена на Бали швыряется бокалами с мохито и шлёт эмодзи с ножами! — взорвался Громов. — А я даже не виноват! Это всё любвеобильный код!

Мимо на электросамокате пронеслись оригинал-программист Андрей и копия Елены. «Пашка! — крикнула она. — Я нашла себе настоящего мужчину!»

— Ваш двойник на даче пьёт горькую, ваша жена на Бали шлёт гневные эсэмэски, а студия требует вашего выхода на съёмочную площадку через два часа, — подытожил Двойник № 447-Б. — Предлагаю найти подходящее место и подумать как вытаскивать вашего двойника из депрессии. Любовный апокалипсис не повод срывать график съёмок.

Глава 1. Анамнез

Двенадцать лет назад.

Съёмная квартира недалеко от Первого меда. Три часа ночи. Виталий Фортов курил в форточку, сегодня он впервые потерял пациента. Антон Кораблёв, инженер-мостостроитель, отец двоих детей, умер, не дождавшись донорской почки. Самолёт с органом задержали из-за тумана на четыре часа. Четырёх часов, которых у Антона не оказалось.

В коридоре скрипнула половица. Фортов даже не обернулся, только повёл плечом, будто скидывая невидимую тяжесть. Виталий сжимал телефон с неотправленным сообщением трансплант-координатору, хотя смысла в этом уже не было.

Артём Скачков в мятой футболке, с опухшим от бессонницы лицом видел, как Виталий в час ночи хлопнул дверью и молча ушёл в свою комнату. Он тактично не стал лезть сразу с расспросами.

— Ты чего не спишь? — спросил Артём, пихая коробку на стол, заваленный пустыми боксами из-под лапши, какими-то железяками и конспектами. — И куришь. Ты же бросил.

— Я пациента сегодня потерял, — сказал Фортов, не оборачиваясь. — Молодой мужик. Двое детей. Почку ждал почти год. Не дождался.

— Кофе будешь? — глухо спросил Артём.

— Если бы можно было вырастить орган из его собственных клеток, — вместо ответа сказал Фортов, выпуская дым не в форточку, а в потолок, — Кораблёв бы сейчас жил. И ещё тысячи таких, как он. Мы теряем их из-за логистики и бюрократии. А не потому, что медицина бессильна.

Артём молча прошёл на кухню. Виталий услышал, как загремела турка, как сосед что-то чертыхнулся, рассыпав молотый кофе мимо ёмкости. Через несколько минут Артём вернулся с двумя чашками кофе и холодным куском пиццы на салфетке. Одну чашку протянул Фортову, вторую поставил на подоконник рядом с собой.

— Пей, — буркнул, — всё равно не уснёшь.

Ещё на ходу он откусил холодную пиццу, поморщился, но жевать не перестал. Удобнее устроился на подоконнике напротив. Сделал глоток кофе, прищурил покрасневшие глаза и кивнул на салфетку с остатком пиццы.

— Кусай, но больше нет. Извини, пиццерия закрыта, а я не умею готовить.

Виталий глянул на пиццу, на чашку отвратительного, перемолотого в пыль кофе, заваренного наспех, сделал глоток и поморщился.

— Что ты там говорил про органы? — Спросил Артём. — Слушай, а что если... ну, напечатать? Я имею в виду на биопринтере, я читал в интернете, это же уже не фантастика.

— Ты серьёзно?

— А то! — Сказал Артём с набитым, остатками пиццы, ртом, — Слушай, ты никогда не думал, что ДНК это просто генетический код. Так почему бы не написать компилятор?

— Что?

Артём последним глотком запил пиццу, оставил чашку и заговорил быстрее, отбивая пальцами по колену, как по клавиатуре, одному ему понятный ритм.

— Ну, исходный код, текстовый файл, в котором записано, как собрать человека. Только вместо нулей и единиц всего четыре буквы: А, Г, Ц, Т. Аденин, гуанин, цитозин, тимин. Это как если бы у тебя была клавиатура всего с четырьмя кнопками, но ты на ней можешь написать «Войну и мир». Потому что буквы складываются в трёхбуквенные кодоны. Каждый кодон это команда «взять аминокислоту». А цепочка команд это уже программа, которая даёт команду «собрать белок, свернуть вот так, вставить в мембрану». Понимаешь? ДНК это не просто набор

букв, это язык программирования. Просто очень древний. С кучей легаси-кода от наших обезьяньих предков и полным отсутствием документации. Вот смотри.

Он подошёл к своему старому, обклеенному стикерами с логотипами рок-групп и IT-конференций ноутбуку, стоявшему в другом конце комнаты, открыл крышку и забарабанил пальцами по клавиатуре. Экран ожил, высветив россыпь строк на языке, который Фортов понимал примерно как китайскую грамоту.

Артём развернул ноутбук так, чтобы соседу было видно. В глазах у него загорелся огонёк, который Фортов видел только тогда, когда Артём напарывался на по-настоящему сложную и интересную задачу.

— Смотри. У тебя есть пациент. Ты берёшь у него каплю крови. Выделяешь ДНК. Считываешь последовательность. А дальше инженерная магия. Программа анализирует код, находит участок, отвечающий за конкретный орган, и говорит принтеру: «Печатай вот эту почку». И принтер слой за слоем, клетка за клеткой печатает. Из собственного биоматериала пациента. Никакого отторжения, очередей и самолётов в тумане.

Фортов щёлкнул зажигалкой, прикурил новую сигарету, выпустил дым в приоткрытую форточку.

— Ты хоть знаешь, сколько там нуклеотидов в одной хромосоме?

— Порядка трёх миллиардов пар оснований. — Артём пожал плечами. — Это не проблема. Это просто код, который можно распарсить и заставить работать.

— Просто код? — Переспросил Фортов и горько усмехнулся. — Ладно. Допустим.

Артём наклонил голову, вглядываясь в лицо соседа.

— Я смогу написать алгоритм. За год. За два. Только мне нужна будет твоя консультация как врача. Ну что, будем спасать человечество?

Они просидели до утра. Артём слушал про гистоны и рибосомы, ругался, рисовал схемы. Фортов впервые за сутки почувствовал надежду.

Через десять лет клиника «Новый Органон» печатала органы быстрее, чем МФЦ выдаёт справки. Но никто не предупредил, что однажды принтер самостоятельно решит: «А может, напечатать человека целиком? Так эффективнее».

Глава 2. Кофе и последствия

Наши дни.

Артём Скачков ткнул пальцем в сенсорную кнопку, кофеварка пискнула, но не сработала, потому что на пальце остался слой жира от пиццы, которую он только что проглотил. Он вытер руку о джинсы и попробовал снова. Кофеварка загудела, захрипела, словно старый курильщик, и плюнула в кружку жидкостью, которая даже не пыталась притворяться кофе.

— Господи, — пробормотал Артём и выпил залпом.

Натуральный кофе стоил как крыло от самолёта, и позволить его себе могли только люди с доходом выше среднего. Артём к таким не относился. Поэтому кофе покупал в обычном магазине, а там торговали «стартапом», который изобрели, скорее всего, в Сингапуре. Простая технология: берёшь любую органическую массу, прогоняешь через биопринтер, добавляешь кофеин и ароматизаторы. На выходе получаешь продукт, который выглядит, пахнет и даже бодрит как зерновой кофе. Но на вкус полная ерунда. Пронырливые дельцы, под видом арабики из-за рубежа, ввозили синтезированные зёрна под видом оригинала. Внутри же спрессованные в форме зёрен опилки, упакованные в фирменную коробку с золотым тиснением и надписью «Premium Colombian Blend».

В дверь позвонили.

Убедившись, что за дверью пахнет дешёвым гелем для душа, сигаретами и лёгким перегаром, а не стерильной свежестью, Артём повернул замок.

На площадке стоял Виталий Фортов, в руке пакет из «Пятёрочки». Лицо серое, под глазами мешки, будто не спал трое суток.

— Давай не ерепенься, открывай.

Артём для верности принохался ещё раз. Обычный запах — с лёгкой ноткой перегара и отчаяния. Не то что у этих... синтезированных.

— Ты один?

— Один.

— Держи. — Фортов протянул Артёму пакет и не разуваясь шагнул в коридор. Стянул ботинки уже в комнате, и небрежно бросил их у дивана.

Из пакета появилась бутылка коньяка и пачка сосисок.

— Ты серьёзно? В девять утра пришёл ко мне пить коньяк и закусывать сосисками? — удивился Артём.

— Да нет, наверное... — Фортов замялся, покрутил бутылку в руках и вздохнул. — Просто похмелиться и поплакаться. Потому что у меня больше нет дома. А где твой... э-э-э... сосед? — спросил Фортов, оглядываясь.

— В офис ушёл. Работает вместо меня. И, судя по отчётам, лучше меня.

— Сочувствую.

— Да я уже привык. Он, кстати, хороший парень.

На смартфон Виталия пришло уведомление от «Единения»:

Ваше настроение сегодня на 12% ниже среднего по району. Рекомендуем: прогулку, видео с котиками и смену супруги.

Фортов только вздохнул и плеснул себе коньяка.

Через пятнадцать минут они сидели на кухне. Пили дешёвый коньяк, заедая варёными сосисками, нарезанными кружочками прямо на газете. Артём жевал молча, иногда кивал, не столько соглашаясь, сколько давая понять, что слушает. Фортов изливал душу, сжимая стакан, будто пытался выдавить из стекла признание.

— Всё началось три дня назад, — начал он, не глядя на Артёма. — Прихожу домой. А там в моём кресле сидит двойник. Ленка рядом, гладит его по голове.

Виталий сделал большой глоток и занюхал рукавом.

— Он ей говорит: «Лена, у тебя усталые глаза. Давай заварю ромашковый чай и запишу к офтальмологу».

Фортов горько, надтреснуто хмыкнул.

— И всё. Она растаяла. Я десять лет долдонил, что она красивая. А она: «Виталь, не мельтеши». А этот сказал про чай и Ленка поплыла.

Он плеснул ещё коньяка, снова выпил не закусывая. Сосиска так и осталась лежать на газете нетронутой.

— Дальше хуже, — продолжил Фортов, крутя пустой стакан в пальцах. — Ко мне начались сплошные придирки. «Даже твоя копия знает, где корзина для грязных носков. А ты их по всему дому разбрасываешь». А я не копия! У меня есть недостатки! В этом суть человека!

Фортов постучал ногтем по стакану, собираясь с мыслями. Артём видел, как друг сжимает челюсти. Виталий уставился в одну точку, где горячая сковородка оставила въевшееся пятно, которое не оттиралось годами. И молчал. Артём понимал переживания и не торопился. Тикали часы на стене, где-то за окном просигналила машина. А Фортов всё ещё молчал. Артём сидел напротив, позволяя Виталию собрать себя по кускам.

— Вчера годовщина, — голос Фортова стал сдавленным. — Одиннадцать лет. Я заказал столик. Купил цветы. Прихожу, а этот в моём костюме. Ленка в вечернем платье.

Артём прекрасно понимал состояние товарища и молча подлил ему в стакан.

— И она говорит: «Извини, он вспомнил про годовщину на два часа раньше».

Фортов поднял на Артёма растерянный, по-детски беспомощный взгляд.

— А он стоит и стихи читает. Про то, что «Феникс» не смог бы синтезировать ничего прекраснее её глаз. Понимаешь? Он использовал нашу с тобой технологию как метафору для комплимента! Во посмотри, — Фортов почти выкрикнул последнюю фразу и протянул Артёму смартфон.

«Ты — как ДНК без мутаций,

Идеальна, как сплайн в „Фениксе“.

А я — баг в твоей компиляции,

Пьяный призрак на вечном пикселе.»

Фортов схватил сосиску, откусил и механически прожевал. — А потом она меня добила. Говорит: «И в постели он лучше. На четыре секунды по хронометражу и на двенадцать процентов по эмоциональной вовлечённости. Без обид».

Он выдохнул, откинулся на спинку стула, прикрыл глаза.

— Без обид?! — Фортов грохнул стаканом по столу так, что подпрыгнули сосиски. — Я десять лет впахивал! Клинику с нуля поднимал! Кредиты брал, с проверяющими собачился! А он просто пришёл на готовое. И стихи читает. А я как бомж сижу у друга на кухне и жру сосиски с газеты. Мы его сделали, Тёмыч. А он мне так отплатил.

Артём отодвинул газету, поднял свой стакан, но пить не стал — поставил обратно.

— А ты от кого и почему прячешься? — спросил Фортов, не открывая глаз.

— Я две недели разбираю свой же код, — тихо сказал Артём. — Который скопипастил из «КодоРата» в «Единение». А он скрестился с твоим «Фениксом». И знаешь, что выяснил?

— У нас теперь на „Фениксе“ висит предписание Минздрава — Попытался пошутить Фортов — перед печатью селезёнки оформить информированное добровольное согласие по форме № 17-Б. А селезёнка, напомню, иногда нужна быстрее, чем заполняется форма № 17-Б.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.